

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА, Н.Р. МАЛЬКОВ

ОТЦОВСТВО ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЫХ МУЖЧИН В УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, и.о. заведующей кафедры социологии молодежи и молодежной политики (o.bezrukova@spbu.ru); САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы (v.samojlova@spbu.ru). Обе – Санкт-Петербургский государственный университет; МАЛЬКОВ Николай Романович – кандидат психологических наук, сотрудник Федерального ресурсного центра по формированию доступной среды (frs_ds@mail.ru). Все – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается отношение к отцовской роли, воспитательные практики, препятствия в реализации отцовства у молодых мужчин, находящихся в исправительных колониях УФСИН. Анализируются материалы 15 глубинных интервью и опроса 144 отцов, имеющих семью и несовершеннолетних детей. Выделены три группы отцов – оказавшихся без поддержки супруги, сомневающих в поддержке, имеющих поддержку. Раскрывается специфика смыслов отцовства и отношения к детям, социального самочувствия и личностных ресурсов отцов разных групп. Сделан вывод о том, что реализация потенциала отцовства у осужденных мужчин и возможности его развития в значительной степени взаимосвязаны с качеством супружеских отношений, семейной поддержки, личностной зрелости мужчины.

Ключевые слова: отцовство • дети • материнство • осужденные • родительские установки • социальная поддержка

DOI:

Введение. Несмотря на снижение преступности, по данным ФСИН в учреждении уголовно-исполнительной системы на 1 июня 2022 г. содержалось 466 957 человек¹. Две трети от общего числа заключенных – молодые мужчины в возрасте от 18 до 35 лет (26–30 лет – 22,7%, 31–35 лет – 21,5%, 20–25 лет – 18%). Среди осужденных мужчин 19,8% имеют семьи, 5,1% состоят в незарегистрированном браке. Семья распалась в процессе отбывания наказания у 37,1% осужденных. Отцом одного ребенка являлись 31,2%, двух – 21,4%, трёх и более – 1,1% [Спасенников, Смирнов, 2015: 121].

В отечественной научной литературе публикации, рассматривающие проблемы осужденных отцов, практически не представлены. В работах, посвященных родительству в ситуациях лишения свободы, внимание сосредоточено на матерях, их правах и возможностях участвовать в воспитании детей, способах этого участия (свидания, общение по телефону, краткосрочные отпуска и др.) [Борченко, Исаева, 2012]. Авторы отмечают, что некоторые из возможностей для общения с детьми, согласно уголовному кодексу, предоставляются только матерям [Ильина, 2007], что противоречит принципу равенства, закрепленному в Семейном кодексе РФ, обращают внимание на необходимость расширения возможностей видаться и общаться отцам с детьми не только в рамках свиданий с жёнами, а и во время отдельных свиданий [Комиссарова, Янова, 2020]. Более широкая постановка проблемы ресоциализационного потенциала семьи осужденного представлена в работе А.Г. Финаевой, однако отцовство как специальный предмет исследования не анализируется [Финаева, 2012].

Исследование проведено при поддержке МОО «Врачи детям» и гранта РФФИ 19-011-00543.

¹ URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20nar-ka%20UIS/> (дата обращения: 15.03.2022).

Среди основных обсуждаемых вопросов в зарубежной литературе – трудности, которые испытывают отбывающие наказание отцы. Изоляция от общества оказывает глубокое влияние на убеждения и поведение отцов, подрывает их психологическое благополучие, уверенность в себе, что создает препятствия для исполнения родительской роли [Secret, 2012]. Отношения с детьми страдают из-за ограничений контактов вследствие стигматизирующего отношения со стороны родственников, отсутствия семейной поддержки [Arditti et al., 2005: 270]. Наиболее важная роль в налаживании отношений отца-правонарушителя с детьми принадлежит матери, она выступает основным посредником в коммуникациях между родственниками, представителями службы пробации, полиции, общественных организаций [Walker, 2010].

В связи с этим в программах профессиональной поддержки молодых отцов уделяется внимание развитию дружеских и конструктивных отношений с матерью ребенка, а также межличностным отношениям, жизненным навыкам, личностному развитию, заботе о себе как неотъемлемой части хорошего родителя. Участникам оказывается помощь в понимании своих целей и перспектив, осознании, что быть хорошим родителем означает развивать собственную жизнь в позитивном ключе [Ward et al., 2007]. Программы отцовства, широко применяющиеся в британских пенитенциарных учреждениях, достаточно продуктивны [Boswell, Wedge, 2002], а профессиональная поддержка специалистов, направленная на создание новой позитивной идентичности вместо репутации преступника, является важнейшим фактором в укреплении личности [Meek, 2011]. При этом именно родительство становится ключевым компонентом для конструирования нового сценария жизни отцов – бывших правонарушителей [Helyar-Cardwell, 2012].

Методология исследования. В качестве теоретической базы исследования мы, во-первых, опираемся на понимание родительской роли осужденных отцов в контексте дефицитной модели отцовства [Arditti et al., 2005; Безрукова, Самойлова, 2020: 241]. Специфика отцовства у мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, определяется наличием ограничений, делающих невозможным поддержание постоянного контакта с детьми, участие в их воспитании на регулярной основе, независимо от желания отцов и характера их установок. В то же время мы исходим из того, что имеющийся у мужчины потенциал отцовства является мощным фактором, влияющим на его психологическое самочувствие в сложившихся обстоятельствах, а также ресурсом успешной адаптации и социальной реабилитации после освобождения.

Во-вторых, полагаем, что в ситуации заключения мужчина переживает переломный этап в своей жизни, который ведет к глубинным изменениям, включая процесс переопределения личной и социальной идентичности, переоценку ценностей и смыслов жизни во взаимодействии с ближайшим окружением, матерью ребенка. Одновременно с этим считаем, что процессы проблематизации и рефлексии имеют важное значение для вовлечения в отцовство – осознания смысла отцовства, своей роли, формирования привязанности к ребенку, ответственности за его благополучие и развитие [Безрукова, Самойлова, 2022: 95].

В-третьих, утверждаем – несмотря на объективные трудности реализации отцовской роли мужчинами, находящимися в местах лишения свободы, потенциал отцовства присущ каждому из них. Он может быть как высоким, так и сниженным, но в любом случае включает в себя специфические для родительской позиции ценности и установки, которые раскрываются в отношении к детям, отцовскую идентичность, определенную базу родительских знаний и навыков. Вместе с тем и неспецифические, личностные качества оказывают большое влияние на то, какой мужчина отец. Ответственность, самостоятельность, осознанность, опора на себя, фрустрационная устойчивость, активность – эти и другие характеристики, отражающие личностную зрелость человека [Психологическая., 2014: 29–30], необходимы для успешной реализации отцовской роли.

Трудности, с которыми сталкивается человек, как правило, стимулируют процессы личностного становления, усиливают социальную зрелость, в то же время специфика жизни в условиях ограничения самостоятельности, автономии, отсутствия необходимости выбора

несет определенные риски. По данным исследований при отбывании наказания в МЛС осужденные склонны к формированию «выученной беспомощности», состояний виктимизации, снижению способности принимать на себя ответственность [Колесникова, 2011].

В исследовании мы опираемся на понятие жизнестойкости (*hardiness*-крепость, выносливость) [Мадди, 2006], как характеристики личности человека, переживающего неблагоприятные обстоятельства жизни. Жизнестойкость отражает способность выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность, определенное отношение человека к изменениям, единство установок на выживаемость, которые организуют соответствующим образом его мысли, чувства и поведение, мобилизуют личностные ресурсы.

Цель статьи состоит в анализе отношения к отцовской роли, семейным ценностям у осужденных семейных мужчин; факторов, способствующих и препятствующих эффективной реализации отцовства в условиях заключения. В качестве гипотезы выступало предположение о том, что реализация потенциала отцовства у осужденных мужчин и возможности его развития в значительной степени взаимосвязаны с качеством супружеских отношений, семейной поддержки, личностной зрелости мужчины.

Эмпирической основой статьи выступают материалы 15 глубинных интервью и опроса 144 мужчин, имеющих семью и несовершеннолетних детей, осужденных к различным срокам и находящихся в местах лишения свободы (МЛС) в исправительных колониях УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, проведенных в сентябре–ноябре 2020 г.

Выборка целевая, критерии отбора респондентов для интервью и опроса: лица мужского пола, возраст – до 35 лет, осуждены к различным срокам лишения свободы; не являются опасными преступниками; имеют на момент опроса семью, в т.ч., находящиеся в незарегистрированном браке; имеют кровных или приемных несовершеннолетних детей, до освобождения из МЛС остается срок не более года.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программ STATISTICA 6.0. Рассчитывались коэффициенты корреляции, значимости различий по критерию хи-квадрат, средние значения с использованием t-критерия Стьюдента². Погрешность выборки 8,4%.

Средний возраст опрошенных – 32,6 года. Примерно две трети респондентов имеют среднее профессиональное образование (техникум, колледж) или высшее/неполное высшее образование (31,3 и 27,0% соответственно), начальное профессиональное (училище) – только 12,1%, каждый пятый – среднее полное (22,7%) и неполное среднее – 7,1%. В зарегистрированном браке состоят 52,8% мужчин, 47,2% – в незарегистрированном. Большая часть опрошенных имеют одного ребенка (63,9%), четверть – двоих детей (23,6%), трех и более детей – 12,5%.

В качестве критерия для дифференциации различий между группами отцов мы рассматривали выбор респондентами ответа о характере их отношений с супругами. Для этого респондентам задавался вопрос: «Оцените характер ваших отношений с женой в настоящий момент?» Анализ полученных результатов показал, что 54,9% респондентов выбрали ответ «относится с уважением, поддерживает, ждет из заключения», четверть отцов отметили ответы с отрицательной коннотацией «безразлично, редкие контакты» и «стремится разорвать отношения, дело идет к разводу» (16,2 и 9,2% соответственно), пятая часть опрошенных затруднились ответить (19,7%). Таким образом, были выделены группы осужденных мужчин с разным характером отношений и поддержки жены в настоящий момент: «получающие поддержку» (ПП) (54,9%), «без поддержки» (БП) (25,4%) и «считающиеся в поддержке» (СП) (19,7%).

² Приводятся данные с учетом статистически значимых различий по критерию хи-квадрат ($p < 0,01$).

Установки отцовства и воспитательные практики отцов. Отношение осужденных мужчин к отцовству рассматривалось при изучении представлений об отцовских функциях в семье, смыслах отцовской роли, реализации прав отцов в условиях заключения.

Сравнительный анализ данных о смыслах отцовства показывает более интенсивную частоту ответов отцов из группы осужденных по сравнению с обычными молодыми отцами³. Так осужденные отцы чаще отмечают, что смысл роли отца для них заключается в функции кормильца семьи – «обеспечивать, кормить, одевать ребенка» (82,6 против 53,2%) и любви к детям (79,9 против 60,0%), необходимости «быть опорой своему ребенку» (66,0 против 48,8%) и «быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми» (67,4 против 38,0%), «защищать от трудностей жизни» (40,3 против 31,2%). Примерно равные доли ответов в той и другой группе респондентов о смыслах отцовства заключаются в наставничестве и воспитании детей, обретении жизненного опыта и взросления, получении удовольствия от общения и любви ребенка. Объяснения полученным различиям мы связываем с переосмыслением значения отцовства, детей, усилением потребности в общении с ними, в том числе в силу недоступности свободного общения, чувствами сожаления и раскаяния.

В группах отцов с разным характером поддержки супруги выявлены существенные различия в понимании смысла отцовской роли. Для группы ПП она чаще состоит в деятельной любви и заботе о ребенке, наставничестве, воспитании, получении радости от общения с детьми. В группе БП – в экономической функции отца, любви к детям, возможности быть опорой для ребенка, при этом отцовство для них чаще, чем в других группах выступает способом взросления, приобретения жизненного опыта и ответственности.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос «В чем для вас состоит роль отца, ее смысл?»
в зависимости от характера отношений с женой
(в % от числа ответивших)**

Варианты ответов	Группа молодых отцов	В целом осужденные молодые отцы	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
Любить своего ребенка, делать все для его развития и благополучия	60,0	79,9	87,0	83,3	63,0
Быть наставником, проводником по жизни, передавать свой опыт, воспитывать	55,6	59,7	68,8	55,6	44,4
Обеспечивать, кормить, одевать ребенка	53,2	82,6	84,4	91,7	70,4
Быть опорой своему ребенку	48,8	66,0	64,9	80,6	59,3
Быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми	38,0	67,4	72,7	66,7	63,0
Получать удовольствие от общения и любви ребенка	37,2	41,0	48,1	44,4	22,2
Приобретать жизненный опыт, взрослеть	34,4	33,3	29,9	44,4	25,9
Защищать от трудностей жизни	31,2	40,3	42,9	38,9	40,7
Затрудняюсь ответить	4,8	4,9	2,6	–	18,5

³ Данные опроса молодых отцов в возрасте 30–39 лет (N = 251), СПб. 2020 г.

Для отцов из группы СП характерна сниженная частота ответов, а для пятой части респондентов в данной группе смыслы отцовства не вполне осознанны.

Иметь возможность общаться с детьми, участвовать в их воспитании отражает устойчивую потребность в реализации отцовства у осужденных мужчин. Полученные данные показали, что большинство опрошенных (63,0% согласны и 23,3% скорее согласны) поддерживают мнение о том, что *«любой отец, даже отбывающий наказание, нуждается в уважении и поддержке своих детей»*, не согласны только 5,8%. В целом, 86,3% респондентов согласились с тем (74,1 согласны и 12,2% скорее согласны), что *«отец, отбывающий наказание, имеет право воспитывать своих детей»*, не согласны только 4,3%.

Есть ли у отцов в условиях заключения возможность участвовать в воспитании детей в настоящий момент? Три четверти опрошенных утверждают, что такая возможность у них есть – 69,8% отцов взаимодействуют с детьми (38,9% общаются по телефону, а 30,8% – во время свиданий). При этом треть осужденных не общаются с детьми (30,2%), в 14,2% случаях жена препятствует общению. В группе ПП больше тех, кто может воспитывать своих детей, разговаривая по телефону (51,8%) и во время свиданий (32,1%). В группах БП и СП чаще отмечали, что жена против участия отца в воспитании детей (30,7 и 27,1%). Не получающие поддержку в два раза реже отмечали, что могут воспитывать и общаться со своими детьми во время свиданий (15,2 против 32,1% и 27,1%). Таким образом, уважительные и поддерживающие отношения с женой взаимосвязаны с возможностью осужденных отцов участвовать в воспитании детей. При этом среди поддерживаемых женами не могут этого делать только 3,1% респондентов, в группах БП и СП таких треть (30,7 и 27,1%).

В чем конкретно заключаются воспитательные практики отцов в условиях заключения? Ответы на открытый вопрос показывают, что каждый пятый отец придерживается формального общения (20,9%), отцовских наставлений (20,8%), стимулирования самореализации (20,1%); 15,5% мужчин дают житейские советы, 11,9% оказывают эмоциональную поддержку, 10,9% ориентированы на сохранение сложившихся отношений. В группе ПП больше тех, кто использует такие методы воспитания, как отцовские наставления (33,9%), житейские советы (20,3%), эмоциональная поддержка (13,6%). Отцы из группы БП чаще в качестве своих воспитательных практик указывали на стимулирование самореализации ребенка (21,7%), отцовские наставления (21,7%), сохранение отношений и формальное общение (по 17,4% соответственно). Отцы из группы СП в трети случаев прибегали к формальному общению (33,3%) и стимулированию самореализации (21,7%).

Таким образом, отцы, имеющие поддержку супруги, по сравнению с другими больше вовлечены в заботу о своих детях: стратегии их воспитания отличаются активностью и вниманием к внутреннему миру и будущему ребенка. Отцы, оставшиеся без поддержки жены, также стремятся к активному взаимодействию с детьми, часть из них старается просто сохранить имеющиеся отношения и формальное общение. Отцы из группы СП чаще других характеризуются формальным общением с детьми, реже других дают отцовские наставления и стремятся сохранить контакт с детьми.

Участникам исследования задавался открытый вопрос о претензиях к себе как к отцу (табл. 2). Респонденты группы БП предпочитали не отвечать на вопрос либо указывали, что затрудняются с ответом (24,2%). Отцы из группы ПП чаще ставили себе в вину нахождение в местах лишения свободы (*нарушал закон, допустил то, что в тюрьме, тем самым оставив семью без себя*) и, в связи с этим, невозможность исполнять роль главы семьи (*мало времени участвую на данный момент в воспитании ребенка, оставил детей без зашиты*) (по 20,5% ответов).

Респонденты из группы СП чаще других указывали на наличие у себя не способствующих воспитанию ребенка отрицательных качеств, вредных привычек (*глупость; ленивый; неответственный; пьянство, разврат, наркотики*) (21,4%), а также ставили себе в вину то, что у них отсутствует полноценный контакт с ребенком (*не имею возможности общаться из-за судимости; не могу быть постоянно с сыном; не вижу ребенка*) (14,3%). На этом фоне более

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Какие претензии к себе как к отцу у вас есть?»
в зависимости от характера отношений с женой в настоящий момент
(в % от числа ответивших)**

Варианты ответов	В целом, по выборке	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
Претензий к себе как к отцу нет	26,7	23,1	21,2	35,7
Не ответили на вопрос или затруднились с ответом	19,2	15,4	24,2	17,9
Нахождение в МЛС	15,5	20,5	15,2	10,7
Наличие отрицательных качеств, вредных привычек	15,0	11,5	12,1	21,4
Невозможность исполнять роль главы семьи	11,9	20,5	15,2	0,0
Отсутствие полноценного контакта с ребенком/детьми	11,8	9	12,1	14,3

чем каждый третий респондент из этой группы (35,7%) указал на отсутствие претензий к себе как к отцу. Таким образом ПП чаще ставят себе в вину невозможность полноценно реализовать функцию отца и главы семьи вследствие отбывания наказания в МЛС. Для СП более характерна неудовлетворенность своим вкладом в развитие личности ребенка.

Обобщая ответы на вопрос о качествах и навыках, которых отцам не хватает, отметим, что мнения отцов представляют два аспекта. *Направленность на себя* – отражает потребность молодых мужчин в изменении своего Я и включает характеристики, описывающие желаемый образ – взрослого, компетентного, успешного человека и развитие качеств, которыми хочется обладать (*целеустремленность, оптимизм, честность, твердый характер, ответственность, доброта, умение ладить, воля, научиться доверять людям, не бояться трудностей, веры в себя, самоконтроль*) или компетенций (*нет образования, жизненного опыта; мозгов; хотел бы изучать иностранные языки, философию, педагогику*).

Направленность на других – раскрывает осознанную потребность понимать интересы детей и близких, измениться по отношению к детям (*проводить больше времени с детьми; играть в детские игры; нужны знания по психологии ребенка; терпение и умение понимать детей; хочу дать своим детям лучшее образование*).

Социальное самочувствие и личные ресурсы отцов. Распределение ответов на вопрос о том, какие чувства осужденные отцы чаще всего испытывают в настоящее время, позволяет судить об их эмоциональном состоянии. Наиболее часто отмечены «усталость, упадок сил» (20,5%), «спокойствие, умиротворение» (18,7%), «одиночество, покинутость» (16,9%), «бодрость, энергичность» (14,4%), «злость, раздражение» (12,7%). На последнем месте ответ «радость, счастье» (3,5%). Таким образом, осужденные мужчины чаще испытывают негативные чувства – усталости и упадка сил, одиночества, покинутости, а также амбивалентные переживания – спокойствия и напряжения, растерянности и осознания невозможности быть рядом с близкими, беспокойства и надежды на освобождение.

Разлука обострила отцовские чувства – большинство осужденных скучают по детям: «*Не хватает сильно. Тяжесть на душе*», «*Люблю ребенка, тоскую*», «*Трудно разлуку переживать с детьми, не видеть, как они растут*» (м., 30 л.). «*Трудно сдерживать мысли, как она там? Что с ней? Как она живет?*» (м., 28 л.).

Анализ взаимосвязи качества отношений с женой и самочувствия осужденных мужчин показал, что в группе ПП по сравнению с другими группами ситуация более благополучная. Более четверти мужчин этой группы ощущают спокойствие и умиротворение (27,1

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В какой мере справедливы для вас следующие суждения?»
(в % от числа ответивших)

Суждения	Нет, это не так	Скорее нет, чем да	Скорее да, чем нет	Да, это так
Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими	59,0	23,8	12,7	4,5
Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны	41,6	32,1	21,2	5,1
Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми	40,4	36,2	19,1	4,3
Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела	39,6	35,3	19,3	5,8
Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня	38,5	21,5	25,9	14,1
Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни	11,0	8,1	30,1	50,8
Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность	8,6	19,4	50,4	21,6
Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня	5,0	14,9	36,9	43,2
Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо	3,5	7,2	55,3	34,0

против 17,1 и 11,1%). В группе БП больше тех, кто чувствует свое одиночество и покинутость (31,4 против 18,2% и 11,1%). В группе СП чаще других отмечали смешанные чувства – растерянности, надежды, ожидания и напряжения.

Для диагностики жизнестойкости для целей нашего исследования были выбраны по четыре пункта шкал «контроль» и «вовлеченность» и один пункт – «принятие риска» из опросника жизнестойкости [Леонтьев, Рассказова, 2006].

Распределение ответов по пункту «Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни» показывает, что для большинства опрошенных (80,9%) в их нынешней ситуации высока ценность жизни без стрессов, в спокойной и комфортной обстановке. Влияние их конкретной жизненной ситуации является определяющим, сходство индивидуальных установок, на наш взгляд, можно объяснить не отрицанием готовности к жизненным вызовам, а потребностью снизить уровень стресса, завершить «рискованный» жизненный этап. Распределения по пунктам шкалы контроля показывают, что четко выраженные установки контроля проявляются не менее, чем у пятой части опрошенных (от 21,6% полностью согласных с вариантом «Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность» до 41,6% полностью не согласных с утверждением «Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны»). Большую группу составляют те, кто менее уверенно («скорее да» или «скорее нет»), но все же выбрал варианты, отражающие наличие установок контроля. В целом, ответы не менее трех четвертей опрошенных свидетельствуют о том, что они верят в то, что их усилия имеют смысл (73,7%), проявляют упорство и непреклонность (72,0%), что проблемы будут разрешены (76,6%), контролируют ситуацию настолько, насколько это необходимо (89,3%). В то же время порядка четверти респондентов чувствуют скорее беспомощность, бессилие, неспособность влиять на происходящее с ними.

Вовлеченность, проявляющаяся как интерес к жизни, желание быть в курсе происходящего, чувствовать свою ценность, значимость для окружающих, особенно важна как ресурс совладания со сложившейся трудной жизненной ситуацией и успешного возвращения к благополучной жизни после отбывания наказания. С утверждением «кажется, что жизнь проходит мимо меня» не согласны 60%, остальные 40% респондентов достаточно явно оценивает свое состояние как состояние эксклюзии. Очевидно, что существующие в МЛС барьеры «отгораживают» заключенных от внешнего мира не только физически, но

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «В какой мере справедливы для вас следующие суждения?» в зависимости от характера отношений с женой
(в % от числа ответивших)

Суждения	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
<i>Да, это так</i>			
Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни	48,6	50,0	55,6**
Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня	46,2	35,3	42,9
Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо	35,9	27,3	32,1*
Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность	23,1	18,2	18,5
<i>Нет, это не так</i>			
Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими	63,5	60,6	46,2
Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны	51,3	33,3	25,9**
Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми	47,4	41,2	18,5**
Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня	47,3	29,4	26,9*
Иногда мне кажется, что никому нет моего дела	46,1	34,3	29,6**

Примечание. Значимость различий по критерию хи-квадрат * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

и информационно, психологически. По другим критериям включенности ситуация более благоприятная. Полностью уверены в том, что нужны близким 59,0%, что другие люди их помнят, беспокоятся о них – 39,6%, а с учетом тех, кто положительно, но менее уверенно ответил на эти вопросы, доля респондентов составляет 82,9 и 74,9%, соответственно. При этом и сами мужчины ведут себя активно, вовлеченно, «стремятся быть в курсе всего происходящего» – таких большинство, 80,1% (43,2% – «да, это так», 36,9% – скорее «да, чем нет»). Обобщая данные по всем пунктам шкалы вовлеченности, можно сделать вывод, что пятая часть осужденных испытывают чувства своей ненужности, отверженности, отчужденности, ощущение себя «вне» жизни.

В результате факторного анализа утверждений (ротация методом Varimaxraw) выделены два фактора, которые можно интерпретировать как установки в отношении субъектности и пессимизма личности, объединяющие несколько утверждений с наибольшим факторным весом – «безднадежность» и «субъектность или самодетерминация». Полученные два фактора объясняют 48,9% дисперсии.

Фактор 1 – «**Безднадежность**» (33,6%) отражает негативный взгляд на жизнь, проявляющийся в депрессивных мыслях, чувстве бессилия, состоянии исключенности из жизни; объединяет утверждения «Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми», «Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня»; «Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими»; «Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны»; «Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни».

Фактор 2 – «**Субъектность или самодетерминация**» (15,3%) – степень самостоятельности личности, ее способности преодолевать проблемы, связанные с внешними влияниями; объединяет утверждения «Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо», «Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность», «Я

стараясь быть в курсе всего происходящего вокруг меня». Сила эго проявляется в способности справляться не только с проблемами, которые связаны с внешними влияниями, но и с внутриличностными проблемами.

Вклад первого фактора «Безнадежность» в общую дисперсию, отражающий его субъективную значимость для респондентов, оказался наиболее высоким, а «Субъектность или самодетерминация» менее выраженным, что свидетельствует о высокой выраженности у осужденных мужчин негативной установки на жизнь, проявляющейся в депрессивных мыслях, чувстве бессилия, состоянии исключенности из жизни. При этом переживания своей ненужности, отверженности, отчужденности, ощущения себя «вне» жизни статистически чаще проявляются у мужчин, лишенных поддержки своих жен, детей и других близких. Установки субъектности и самостоятельности личности, ее способности справляться как с внешне обусловленными, так и внутриличностными проблемами чаще присущи осужденным мужчинам, которых поддерживают их семьи.

Сравнение жизнестойкости у мужчин с разным уровнем супружеской поддержки выявило преимущество группы ПП по большинству показателей на статистически значимом уровне. По сравнению с другими их отличает большая убежденность в способности контролировать ситуацию настолько, насколько это необходимо, убежденность в том, что нет неразрешимых проблем, вера в свою способность достигать результата, чувство связи с другими и сопричастности происходящему в жизни. Напротив, мужчины из групп БП и СП чаще полагают, что бессмысленно прикладывать усилия, не уверены, что проблемы можно решить, чаще воспринимают себя лишними, ненужными людьми даже с близкими, испытывают чувство своеобразного исключения из семьи, только треть из них не ощущает своей отчужденности от живого потока жизни. На основе этих данных можно предположить, что именно у мужчин первой группы есть более прочные основания для веры в себя, в свое будущее, их адаптационный потенциал выше по сравнению с теми, кто не имеет или не уверен в поддержке супруги.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что отцовство обладает высокой личностной значимостью для отцов. Мужчины дорожат отцовством, включая как тех, кто постоянно общается с ребенком и участвует в повседневной заботе о нем, так и разведенных отцов, не имеющих постоянных контактов или оказавшихся без поддержки жен и родственников. Работа по поддержке осужденных отцов, проводимая на регулярной основе, может стать существенным фактором укрепления их родительского и личностного потенциала, а также основой для ресоциализации личности.

В центре интервенций специалистов социальных служб в МЛС в отношении осужденных мужчин, имеющих детей, должны стать создание позитивной идентичности ответственного отца, которая способствует осознанию отцами жизненных смыслов, целеполаганию, повышению самооценки, укреплению родительского самосознания и развитию родительских навыков, что, в свою очередь, коррелирует с успешностью выхода из трудной ситуации, социальной реабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безрукова О.Н., Самойлова В.В. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969–8.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233–272. DOI:10.14515/monitoring.2020.4.948.
- Борченко В.А., Исаева О.П. Проблемы осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1(6). С. 47–50.
- Ильина О.Ю. К вопросу о равенстве прав мужчины и женщины в семейных правоотношениях // Современное право. 2007. № 8. С. 33–39.

- Колесникова Н.Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении: автореф. дис. к. психол. н. М., 2011.
- Комиссарова С.В., Янова А.С. Семья как условие равноправной реализации прав и обязанностей родителей в воспитании несовершеннолетних детей // Вопросы современной науки и практики. № 1 (2). 2020. С. 23–27.
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Психологическая зрелость личности. Под общ. ред. Л.А. Головей. СПб.: Скифия-принт, СПбГУ, 2014.
- Спасеников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120–124.
- Финаева А.Г. Семейные стратегии в структуре ресоциализации заключенных // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С. 35–39.
- Arditti J.A., Smock S.A., Parkman T.S. It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood. *Fathering*. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 267–288. DOI: 10.3149/ftth.0303.267.
- Boswell G., Wedge P. Imprisoned Fathers and Their Children. London: Jessica Kingsley, 2002.
- Helyer-Cardwell V. Fathers for Good? Exploring the Impact of Becoming a Young Father on Young Offenders' Desistance from Crime. *Safer Communities*. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 169–178. DOI: 10.1108/17578041211271436.
- Maddi S.R. Hardiness: The courage to grow from stresses. *The Journal of Positive Psychology*. 2006. No.1 (3). P. 160–168.
- Meek R. The Possible Selves of Young Fathers in Prison. *Journal of Adolescence*. 2011. Vol. 34. No. 5. P. 941–949. DOI: 10.1016/j.adolescence.2010.12.005.
- Secret M. Incarcerated Fathers: Exploring the Dimensions and Prevalence of Parenting Capacity of Non-Violent Offenders. *Fathering*. 2012. Vol. 10. No. 2. P. 159–177. DOI: 10.3149/ftth.1002.159.
- Walker L. His Mam, My Dad, My Girlfriend, Loads of People Used to Bring Him up': The Value of Social Support for(ex) Offender Fathers. *Child and Family Social Work*. 2010. Vol.15. No. 2. P. 238–247. DOI: 10.1111/j.1365-2206.2009.00664.x.
- Ward T., Mann R.E., Gannon T.A. The Good Lives Model of Offender Rehabilitation: Clinical Implications. *Aggression and Violent Behaviour*. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 87–107. DOI: 10.1016/j.avb.2006.03.004.

Статья поступила: 28.07.2022. Принята к публикации: 02.09.22.

PATERNITY OF YOUNG CONVICTED FATHERS GOING THROUGH IMPRISONMENT

BEZRUKOVA O.N.*, SAMOYLOVA V.A.*, MAL'KOV N.R. **

*St. Petersburg State University, Russia; **Federal Resource Center for the formation of an accessible environment, Russia

Olga N. BEZRUKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (o.bezrukova@spbu.ru); Valentina A. SAMOYLOVA, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. (v.samojlova@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University; Nikolay R. MAL'KOV, Cand. Sci. (Psychol.), Senior Specialist of the Federal Resource Center for the formation of an accessible environment (frs_ds@mail.ru). All – St. Petersburg, Russia.

Acknowledgment. The reported study was funded by the International Public Organization "Doctors for Children" and RFBR according to the research project No19-011-00543.

Abstract. The article examines the attitude to the paternal role, the approaches to upbringing, and the obstacles to realization of paternity among young fathers imprisoned at correctional facilities of the Federal Penitentiary Service. We analyzed 15 in-depth interviews and made a survey of 144 fathers having families and underage children. As a result, we identified three groups of fathers: those who found themselves without the support of their spouses, those who doubt support, and those who have the support. We revealed the specific meanings of fatherhood and attitudes towards children, social well-being and personal resources of fathers of different groups. We have concluded that there is a significant interconnection in realization of the potential of fatherhood among the convicts and the possibility of its development with the quality of marital relations, family support, as well as individual maturity. We suggest the directions of social support of imprisoned fathers.

Keywords: fatherhood, children, motherhood, incarcerated fathers, parental attitude, social support.

REFERENCES

- Arditti J.A., Smock S.A., Parkman T.S. (2005) It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood. *Fathering*. Vol. 3. No. 3: 267–288. DOI: 10.3149/fth.0303.267.
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2020) Fatherhood and Support for Fathers: Trends in Modern Foreign Studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 233–272. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2022) Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969–8. (In Russ.)
- Borchenko V.A., Isaeva O.P. (2012) Problems of exercising parental rights and fulfilling duties by persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute]. No.1 (16): 47–50. (In Russ.)
- Boswell G., Wedge P. (2002) *Imprisoned Fathers and Their Children*. London: Jessica Kingsley.
- Finaeva A.G. (2012) Family Strategies in the Structure of Prisoners' Resocialization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izv. Sarat. Univ. Sociology. Politology]. Vol. 12. Iss. 3: 35–39. (In Russ.)
- Golovey L.A. (2014) *Psychological maturity of the personality*. St. Petersburg: Skifiya-print. (In Russ.)
- Helyer-Cardwell V. (2012) Fathers for Good? Exploring the Impact of Becoming a Young Father on Young Offenders' Desistance from Crime. *Safer Communities*. Vol. 11. No. 4: 169–178. DOI: 10.1108/17578041211271436.
- Ilyina O. Yu. To the Question about the Equality of Mens' and Womens' Rights in the Family Law Relationships. *Sovremennoye pravo* [The Contemporary Law]. 2016. No. 8: 75–79. (In Russ.)
- Kolesnikova N.E. (2011) *Socio-psychological resocialization of convicted men in a correctional institution*: Abstract of the thesis dis. Cand. of psy. sci. Moscow. (In Russ.)
- Komissarova S.V., Yanova A.S. (2020) Family as a condition for the equal realization of the rights and obligations of parents in the upbringing of minor children. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. No. 1 (2): 23–27. (In Russ.)
- Leontiev D.A., Rasskazova E.I. (2006) *Test zhiznestojkosti*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Maddi S.R. (2006) Hardiness: The courage to grow from stresses. *The Journal of Positive Psychology*. No. 1 (3): 160–168.
- Meek R. (2011) The Possible Selves of Young Fathers in Prison. *Journal of Adolescence*. Vol. 34. No. 5: 941–949. DOI: 10.1016/j.adolescence.2010.12.005.
- Secret M. (2012) Incarcerated Fathers: Exploring the Dimensions and Prevalence of Parenting Capacity of Non-Violent Offenders. *Fathering*. Vol. 10. No. 2: 159–177. DOI: 10.3149/fth.1002.159.
- Spasennikov B.A., Smirnov A.M. (2015) Social and legal characteristics of the convicts serving sentences in Russian correction colonies. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9. (377): 120–124. (In Russ.)
- Walker L. (2010) His Mam, My Dad, My Girlfriend, Loads of People Used to Bring Him up': The Value of Social Support for(ex) Offender Fathers. *Child and Family Social Work*. Vol.15. No. 2: 238–247. DOI: 10.1111/j.1365–2206.2009.00664.x.
- Ward T., Mann R.E., Gannon T.A. (2007) The Good Lives Model of Offender Rehabilitation: Clinical Implications. *Aggression and Violent Behaviour*. Vol. 12. No. 1: 87–107. DOI: 10.1016/j.avb.2006.03.004.

Received: 27.07.22. Accepted: 02.09.22.